

Священник Илья Соловьев

Воплощение идеи соборности в деятельности Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов

Настоящая статья публикуется в связи со столетним юбилеем Поместного собора Российской православной церкви 1917–1918 гг., история и материалы которого довольно полно исследованы отечественными и зарубежными церковными историками. От усвоения опыта и решений, принятых Собором, зависит осмысление нынешнего состояния Русской церкви, с этим связана надежда на возрождение церковной жизни в наступившем XXI столетии. В статье названы церковно-исторические факторы, определившие уникальность собора и его авторитет (значимость). Особое внимание уделено вопросу выборов патриарха, представлению позиций сторонников и противников восстановления патриаршества, процедуре выборов. Поместный собор не просто восстановил институт патриаршества, но предложил систему церковного управления, основанную на началах соборности. Эта система просуществовала очень короткое время и никогда и нигде впоследствии не была проведена в жизнь. Автор видит значение Московского собора в утверждении в сознании верных чад Церкви идеи соборноправности, которая не сводится к созыву периодических церковных собраний разного уровня, но заключается в деятельном участии в церковной жизни всех членов Церковного Тела — мирян, клира и епископата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Собор 1917–1918 гг., патриаршество в России, соборность Церкви, Предсоборное присутствие, Предсоборный совет, Высшее церковное управление.

Ни один из церковных соборов минувшего XX столетия не привлекал столь пристального внимания исследователей, как Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг. Если в годы советской власти материалы Собора использовались главным образом для иллюстрации «реакционной политической ориентации Русской Православной Церкви»¹, то в последние три десятилетия истори-

1. См., напр.: Русское православие : Вехи истории / Ред. А. И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. С. 617.

ки подошли к изучению соборных деяний с гораздо более взвешенных, объективных позиций.

В отечественной литературе появилось достаточно большое количество публикаций, посвященных тем или иным аспектам соборной работы². В 2012 г. в издательстве Московского Новоспасского монастыря началось научное издание соборных материалов [*Документы Священного собора*]; необходимо назвать и опубликованные воспоминания о Соборе 1917–1918 гг., являющиеся ценнейшим источником для изучения его работы [*Российская Церковь; Дело; Арсений (Стадницкий)*]. В начале 2000-х гг. в научной серии «Материалы по истории Церкви» был выпущен трехтомный «Обзор деяний» Поместного собора 1917–1918 гг., ставший плодом многолетней исследовательской работы группы российских и зарубежных историков [*Священный Собор*]. Необходимо упомянуть также монографическое исследование о Соборе французского историка свящ. Иакинфа Дестивеля, вышедшее в свет в России в 2008 г. [*Дестивель*]. Одним словом, в минувшие после падения советской власти годы материалы Всероссийского Поместного собора неоднократно становились предметом исследования отечественных и зарубежных историков.

Такое внимание к деяниям Московского собора 1917–1918 гг. не может быть объяснено одним лишь академическим интересом или юбилейным характером публикаций, вышедших из печати в 2017–2018 гг. Обращаясь к текстам Собора, современное церковное сознание пытается найти в его решениях материал для осмысления нынешнего состояния Русской церкви. Действительно, авторитет Собора 1917–1918 гг. позволяет рассчитывать на то, что его деяния хотя бы в какой-то степени послужат делу возрождения церковной жизни в наступившем XXI столетии.

Безусловный авторитет Собора основан прежде всего на том, что в его работе приняла участие вся полнота Церкви: епископы, клирики и миряне. Соборяне не были специально подобранной по чьей-то воле группой людей, если не все они, то, по крайней мере, значительная их часть была избрана подлинно соборным путем и они, таким образом, обладали действительным каноническим представительством, т. е. являлись выразителем голоса многомиллионной Православной российской церкви.

2. См., напр., опубликованные в журнале «Церковь и время» материалы научной конференции в Бозе (Италия), посвященной Собору 1917–1918 гг. ([*Конференция, 117–214*]), а также исследования,

вышедшие в рамках серии «Церковные реформы. Поместный Собор 1917–1918 годов» ([*Кравецкий; Балашов; Белякова; Тутунов*]). См. также: [*Шульц, Одинцов, Беляковы*] и другие работы.

Авторитет Собора покоится и на том, что его созыв стал возможен в условиях установившейся в России гражданской свободы. В этом состоит уникальность Собора 1917–1918 гг. Парадоксально, что ощущавшая себя православной монархия в лице последнего русского императора Николая II вплоть до своего падения так и не допустила созыва Поместного собора. Ответственность за это некоторые историки склонны возлагать непосредственно на последнего русского монарха, который, опасаясь «брожения умов», счел созыв Поместного собора «неблаговременным». Однако, если позволить себе отступление от категорий исторического мышления, нетрудно предположить, что мог бы представлять собой собор Российской церкви при обер-прокурорском контроле со стороны К. П. Победоносцева, под наблюдением синодальных чиновников Ведомства православного исповедания и при условии утверждения его решений носителем верховной власти, т. е. собственно государством.

Временное правительство, пришедшее к власти после подписания 2 марта 1917 г. акта об отречении императора Николая II от прародительного престола и последовавшего вслед за тем отречения великого князя Михаила Романова, сразу же заявило о необходимости созыва церковного собора и, несмотря на колоссальные экономические трудности, дефицит бюджета, военную опасность и полураспад государства, выделило на эти цели значительную по тем временам сумму. 24 июля 1917 г. Временное правительство упразднило должность обер-прокурора Святейшего синода, так называемого «государева ока», проводника решений государства в Синоде. Временное правительство не оказывало на соборян никакого давления, так что последние могли работать без оглядки на стороннее полицейское вмешательство. Чрезвычайно важно, что решения Собора не подлежали «рецепции» со стороны Временного правительства, и это обстоятельство давало Собору неслыханные прежде в церковной истории России возможности. Можно сказать, что созыв Собора стал завершением церковной программы «благоверного Временного правительства», руководители которого присутствовали на его торжественном открытии в августе 1917 г.

Безусловно, большевистская власть, установившаяся в стране с октября 1917 г., оказывала на Собор определенное внешнее влияние, но оно не было всеобъемлющим и оставляло соборянам возможность свободно выражать свой голос. Свидетельством этого являлась смелая и справедливая оценка соборными деяте-

лями проводимой большевиками разбойничьей внутренней и внешней политики.

Наконец, авторитет Собора основывался на предшествовавшей многолетней подготовительной работе, которую провели лучшие научные и богословские силы дореволюционной России, переживавшей в начале века золотой период в развитии церковной науки. Начало предсоборной работе было положено в условиях определенного ослабления государственного контроля над церковью, последовавшего в результате революционных волнений 1905–1906 гг. Созванное в 1906 г. Предсоборное присутствие³ могло опереться в своих трудах на собранные в 1905 г. по почину Святейшего синода «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» [*Отзывы*]. Эти материалы, подготовленные в епархиях при живом участии всех местных научных и богословских сил, были дважды опубликованы для всеобщего ознакомления.

Огромное значение для подготовки Собора имело широкое обсуждение в повременной печати целого ряда церковных вопросов, в котором приняли участие не только представители духовенства, но и миряне, весь цвет тогдашней богословской науки, представители интеллектуальной элиты, профессора духовных школ и т. д.⁴ В свое время А. С. Хомяков указывал, что многие беды Российской церкви проистекают из равнодушия подавляющей части ее мирян к делу церковного строительства. В начале XX в. в годы подготовки Собора ситуация в значительной степени изменилась: российская интеллигенция в определенной своей части потянулась к Церкви, в обществе распространились богоскательские настроения. Можно утверждать, что этот интерес к церковной жизни пробудила именно идея подлинного церковного обновления на соборных началах, — тот самый грядущий Собор, мысль о созыве которого воодушевляла многих не равнодушных к Церкви людей. Наконец, огромное значение при подготовке Собора имело Предсоборное совещание, открытое в 1912 г., и особенно Предсоборный совет 1917 г., созыв которого произошел опять-таки в условиях свободной России, уже после падения самодержавия. Как показывают недавно изданные документы

3. См. об этом: [*Журналы и протоколы*].

4. Укажем, для примера, на интересные статьи по этим вопросам, опубликованные в журнале Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» за 1905–1906 гг.

Предсоборного совета, на его заседаниях развернулась свободная, творческая богословская дискуссия, которая сама по себе имеет большое церковное и историческое значение.

Авторитет Собора признавался практически всеми церковными людьми последующей за ним эпохи, ознаменовавшейся гонениями на церковь. Эти гонения стали своего рода реакцией общества на существовавшую в России до революции «симфонию» церкви и государства, на ту чиновничью роль, которую играло наше духовенство на протяжении столетий. Кровь, пролитая церковными людьми в годы советской власти, была той дорогой ценой, которую была вынуждена заплатить Русская церковь за свое государственное, полицейским путем обеспеченное господствующее положение в дореволюционной России.

Авторитет Собора признавался в XX в. в разделенной Российской церкви практически всеми образовавшимися в ней «юрисдикциями». В России, оказавшейся под гнетом большевиков, в ходе полемики о преемстве церковной власти все оппозиционные официальному церковному руководству группы неизменно апеллировали к решениям Собора⁵. Особняком стояли представители так называемого «обновленчества», которые под давлением властей, из-за сиюминутной политической конъюнктуры, подвергали критике контрреволюционность Собора, а равно и его отдельные деяния⁶. Однако и «обновленческая» критика, насколько мы можем судить о ней по сохранившимся источникам, не была совершенно огульной, так как Собор 1917–1918 гг. все-таки не объявлялся «обновленцами» лже-собором, его деяния не отвергались ими, ибо они исходили из законного источника церковной власти. Более того, на своих соборах в 1923 г. и особенно в 1925 г. «обновленцы» пытались в каком-то виде реконструировать данный Собором 1917–1918 гг. механизм церковного управления, хотя и видоизменив его, удалив некоторые его части, как, например, институт патриаршества. При этом идея Собора 1917–1918 гг. о живом участии в церковном управлении епископов, клириков и мирян находила у «обновленцев» полную поддержку.

К авторитету Собора апеллировали и так называемые григориане — сторонники образовавшегося в середине 1920-х гг. Временного высшего церковного совета. Выступая за коллегиальность церковной власти, «григориане» настаивали на воз-

5. Подробнее об этом см.: [Мазырин].

6. См., напр.: [Введенский].

вращении в жизнь системы церковного управления, утвержденной Собором. Правда в том, что григорианское движение использовалось большевиками для усугубления церковного раскола, однако сам по себе характер этого движения показывает, что и его участники относились к Собору 1917–1918 гг. с большим пиететом.

Несмотря на церковные разделения, авторитет Собора признавали и в русском зарубежье, причем как представители Русского Западно-Европейского экзархата во главе со стоявшим на прочной канонической основе митр. Евлогием (Георгиевским), так и образовавшиеся в результате юрисдикционного хаоса группы под водительством митр. Антония (Храповицкого) в Европе и митр. Платона (Рождественского) в Америке. Одним словом, значение Всероссийского Собора 1917–1918 гг. для церковной жизни нескольких последующих десятилетий оставалось очень существенным⁷.

Спустя 100 лет после открытия Собора естественно возникает вопрос: что было главным в его деяниях? В современной литературе утвердилось мнение о том, что главным наследием Собора оказалось восстановление института патриаршества, упраздненного в Православной российской церкви в результате церковной реформы императора Петра Великого⁸. Это утверждение представляется нам более чем спорным. Дело в том, что Поместный собор не просто воссоздал титул патриарха Московского, но предложил целую систему церковного управления, составной частью которого стал патриарх Всероссийский. Рассматривать патриаршество вне этой системы — значит отойти от духа и смысла соборных решений, а такой подход сделает невозможной объективную, исторически взвешенную оценку его работы. Правда и то, что сконструированная Собором система Высшего церковного управления просуществовала очень короткое время и никогда и нигде впоследствии не была проведена в жизнь. Ее фактическое упразднение произошло уже при патриархе Тихоне (Беллавине), что не в последнюю очередь было связано опять-таки с вмешательством большевиков. Но даже в условиях свободы, в русском зарубежье — в Русском Западно-Европейском экзархате, эта система существовала лишь частично, без той ее части, которую представляло собой патриаршество.

7. См., напр.: [Стратонов].

8. См., напр.: [Цыпин, 23].

Исходя из вышесказанного мы не можем согласиться с мнением, высказанным исследовательской группой Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета о том, что созданная Собором схема церковного управления будто бы «помогла» Русской церкви выстоять в годы гонений⁹. Напротив, из-за наступивших в стране событий Собор 1917–1918 гг. оказался Собором *обреченных*, так как его решения практически не были воплощены. Обреченность его определений была обусловлена еще и тем, что они были рассчитаны на применение в условиях свободной, соборно самоуправляющейся Церкви, живущей в свободном государстве, в условиях, когда она уже более не является государственным «ведомством», когда она, во всяком случае, соборноправна, свободна в своем волеизъявлении и самостоятельном соборном разрешении внутренних вопросов. Ясно, что при большевистской диктатуре (как и при диктатуре вообще) никакого практического применения соборные решения иметь не могли. Не получили они применения и впоследствии, а некоторые из них были пересмотрены уже после падения советской власти, когда церковь в своей жизни в известной степени возвратилась к дособорной, дореволюционной практике. Что же касается восстановления института патриаршества, произошедшего в ходе директивного возрождения православной церкви в СССР, предпринятого Сталиным под влиянием внешних событий в годы Второй мировой войны, то патриаршество образца 1943 г. имело с патриаршеством 1917–1918 гг. лишь некоторые совпадения по внешности и в названии, тогда как структура церковного управления Собора 1917–1918 гг. была подвергнута едва ли не коренному изменению.

Большевистское влияние на ход Собора проявилось, прежде всего, в том, что Собор уделил много времени обсуждению политической ситуации в стране, отложив в сторону скорейшее рассмотрение некоторых собственно церковных вопросов. Трагизм ситуации заключался в том, что деятели Собора были склонны преувеличивать его влияние на положение в стране, наивно полагая, что соборные декларации если не приостановят ход истории, то, по крайней мере, как-то существенно повлияют на развитие событий и на общественные настроения. Именно этим

9. См.: Кривошеева Н. А. «На меня выпал великий исторический долг...»: Митрополит Арсений (Стадницкий) и Поместный Собор 1917–1918 гг. (предисловие к книге: [Арсений (Стадницкий), 54]).

объясняется увлечение соборян разного рода «воззваниями» и «посланиями», которые во многих случаях хотя и предавались гласности, но по существу лишь оставались на бумаге¹⁰. Временами при обсуждении злободневных вопросов современной жизни Собор, по признанию его фактического председателя — митр. Арсения (Стадницкого)¹¹, терял свой облик как церковное учреждение «и имел характер Думы, как не прискорбно это» [Арсений (Стадницкий), 69]. Работа Собора разворачивалась на фоне стремительно разраставшегося революционного хаоса; получали развитие низменные материальные инстинкты, лилась братская кровь, усиливались центробежные тенденции. В ситуации нараставшего кризиса церковные декларации уже не могли изменить ситуацию. Вместе с тем многие соборяне так и не осознали, что установившаяся в стране власть большевиков утвердится всерьез и надолго, а потому на рассмотрение Собора выносились вопросы церковной практики, имевшие чисто теоретический и, можно сказать, умозрительный для тогдашней революционной России характер. Вполне закономерно, что сразу после закрытия соборных заседаний многие его решения попали в архив.

Без всякого сомнения, большевистское влияние на ход Собора проявилось и в ускорении решения вопроса о восстановлении патриаршества, который не получил положительного разрешения на заседании Предсоборного совета 1917 г. Здесь мы можем говорить не только «о свете» Собора 1917–1918 гг., но и о его «теньях». Опубликованные в последнее время источники¹² позволяют нам полнее проследить механизм обсуждения и принятия некоторых важных соборных решений, в том числе и решения о возобновлении института патриаршества. Митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), почти постоянный председатель собора, отмечал в эти дни в своем «Дневнике», что Собор находится «в нервном состоянии». Митрополит не без оснований опасался, что обсуждение некоторых злободневных вопросов с соборной

10. Такая судьба постигла, например, многочисленные протесты Собора в связи с предполагавшейся передачей части церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Не достигли своей цели многократные призывы Собора к прекращению гражданского противостояния, которое, напротив, принимало все более острые и трагические формы.

11. Митрополит Арсений (Стадницкий) был фактическим председателем Собора. Будучи избран-

ном товарищем председателя, он возглавил 140 соборных заседаний из 170.

12. Об этом можно судить прежде всего по материалам, представленным в продолжающемся Новоспаским монастырем научном издании документов Собора. С большой очевидностью это следует также из «Дневника» митр. Арсения (Стадницкого).

кафедры может «сдвинуть его с церковной позиции» [*Арсений (Стадницкий)*, 67]. На это же обращали внимание в своих выступлениях и другие соборяне. Обсуждение вопроса о патриаршестве, по словам проф. Н. Н. Фиолетова, получило «ненормальную остроту и страстность» [*Документы. Т. 5, 533*]. Под влиянием совершавшихся в стране событий рассмотрение этого вопроса перешло (как сказал об этом член Собора И. М. Громогласов) с канонической почвы на почву «моральную».

Сторонники патриаршества весьма эмоционально говорили о нем как об институте, который поможет сплотить русскую церковь, защитить ее от распада, даст возможность устоять перед лицом тяжелых испытаний. Так, например, в ответ на обстоятельную речь против патриаршества доктора церковной истории, профессора Духовной академии А. И. Покровского какой-то простой крестьянин (фамилия в источнике не указана) кратко возразил ему, «что всему православному миру нужен отец, которому можно было бы выплакать свои страдания и соутешиться в радостях» [*Арсений (Стадницкий)*, 79]. Примерно в таком духе и происходила временами полемика о целесообразности восстановления патриаршества и вообще об организации Высшего церковного управления в Российской церкви.

Сторонники патриаршества выдвигали следующие главные аргументы.

Во-первых, патриарх явится в Церкви как живая и организующая сила и будет средоточием духовно-нравственного единения народа. Русский народ никак не меньше достоин патриаршества, чем другие. Так, например, преосвященный Димитрий (Абашидзе), епископ Таврический, говорил:

Неужели же русский народ, а я состою епископом русского народа, неужели он настолько убог, что Русская Церковь не достойна иметь такого главу, который есть у греков, сирийцев, армян, у несториан и грузин? Неужели двухмиллионный грузинский народ выше нас? [*Документы. Т. 5, 665*].

Аналогичный аргумент прозвучал из уст Астраханского преосвященного Митрофана (Краснопольского):

...Грузия уже получила Патриарха-Католикоса, католики обеспечили свои церковные права и, кроме того, на нас надвигается сектанство. Вот почему и нам надо поскорее перейти к восстановлению патриаршества [*Документы. Т. 5, 695*].

Во-вторых, участники Собора утверждали, что патриарх необходим в условиях смуты в государстве и нестроений в церкви, которая стоит перед лицом возможного гонения. В условиях гонения нет власти, могущей защитить церковь. В такие моменты необходима единоличная власть, по словам князя Евгения Трубецкого, «живой представитель национальной жизни, живой носитель власти, живой пример» [Документы. Т. 5, 532]. Правительство может не считаться с Синодом, Собором, но оно, по мысли князя Трубецкого, «должно будет» считаться с патриархом, в руках которого будут «очень действительные способы воздействия на правительство»:

Он — центр церковной соборной жизни. В минуты угрожающей Церкви опасности он может собрать Церковный Собор. Он тотчас разошлет во все концы телеграммы, и в ту же минуту (! — *свящ. И. С.*), по знаку Патриарха, везде будут совершать богослужения, всюду соберутся маленькие Соборы, будут совершаться крестные ходы, и отовсюду раздастся голос, который будет требовать от правительства одно и то же [Документы. Т. 5, 531].

С этим голосом правительство, по убеждению князя, будет считаться.

«Восстанавливая патриаршество... мы воодушевлены одной мыслью и одним желанием: защитить Церковь Божию от тех опасностей, которые могут обрушиться на нее в переживаемое нами беспримерно тяжелое в истории России время», — говорил член Собора мирянин А. Горанин [Документы. Т. 5, 673].

Патриарх совершит дело, которое выше сил одного человека. Он будет силен поддержкой Собора и верующего народа, и голос его получит необходимую силу и мощь. И смолкнут все споры, и повеет истинный дух братства на Руси, когда все услышат живое слово нашего избранника (епископ Астраханский Митрофан) [Документы. Т. 5, 697–698].

В-третьих, в дискуссиях звучала мысль, что в России не нужно бояться патриаршего абсолютизма, он возможен только в Западной церкви («абсолютизм папский»). По мнению епископа Астраханского Митрофана, в нашей церкви абсолютизма нет, «у нас он немыслим» [Документы. Т. 5, 491].

В-четвертых, патриарх необходим для единения всех частей Российской церкви, в том числе и в зарубежье, необходим он для миссионерской работы как глава церкви, ибо униаты имеют

главу в лице римского папы, а Российская церковь не имеет [Документы. Т. 5, 548]. Протоиерей Леонид Туркевич утверждал, что только патриарх будет той силой, которая объединит староверов с православной церковью [Документы. Т. 5, 551].

В-пятых, патриаршество необходимо не только в связи с современным положением церкви в России, но и в связи «с запросами мировой жизни». В настоящее время в мире имеется стремление к единению народов, введению «единой монеты» и даже к единому языку. В католических храмах «будет поставлено знамя Люцифера», масоны на конгрессе постановили «ловить момент, когда на Руси будет низложен держащий» (т. е. царь), готовится новая религия, которая будет против Христа. «...Нам нужен патриарх, возглавляющий Церковь, который принял бы на себя борьбу с новой религией» (прот. Эмилиан Бекаревич, Холмская епархия) [Документы. Т. 5, 536]. Священник Владимир Востоков говорил, что патриарх нужен, чтобы противостоять всемирной могущественной антихристианской организации, которая устремляется на православную Русь, «носящую в себе зерно вечной правды, чистой истины». Раз объявлена война, нужна не только мобилизация, нужен вождь. Преподаватель Литовской семинарии Владимир Недельский считал, что патриаршество должно стать «тем новым словом, которое мы можем сказать духовно разлагающемуся Западу, и нас разлагающему протестантским духом» [Документы. Т. 5, 572].

Патриарх поместной Российской церкви рассматривался сторонниками патриаршества как церковная вершина, возвышающаяся над местной оградой, видящая другие вершины и видимая ими. Активный член Собора С. Н. Булгаков высказывал в связи с этим надежду, что после восстановления патриаршества первосвятитель церкви Российской совместно с патриархами других церквей может рассмотреть множество вопросов вселенского характера, в том числе и вопросы о соединении церквей западной и восточной.

Мирянин от Тверской епархии Василий Рубцов призывал членов Собора не поддаваться влиянию разрухи в государстве, так как это явление временное. Священник Саратовской епархии Михаил Марин отмечал, что противники патриаршества боятся восстановления этого института из-за опасности патриаршего произвола, а также вредной централизации и бюрократизма церковной жизни. Но, по мнению о. Михаила Марина, эти явления, имевшие место при старом строе, уже не могут возвратиться.

«Теперь, — уверенно заявил о. Михаил, — соборность у нас отнять нельзя» [*Документы. Т. 5, 488*]. Развивая мысль о. Михаила Марина, тверской мирянин Д. Волков отмечал, что противники патриаршества боятся, что слабовольный патриарх подпадет под влияние Синода и тем уронит свое звание, а деспотический патриарх в свою очередь подчинит Синод себе, и патриаршие «любимцы будут злоупотреблять своим на патриарха влиянием и этим злоупотреблением доведут церковную жизнь до еще большего, чем теперь, развала». Не опровергая по существу этих опасений, Волков отметил, что в патриархе церковь обретет себе верного защитника и покровителя. По мнению Волкова, только в патриаршестве можно найти спасение православной веры и церкви [*Документы. Т. 5, 489*].

Протоиерей Симеон Шлеев в своей речи вообще противопоставлял Синод патриарху, заявляя, что «во всяком случае, самый плохой патриарх лучше самого хорошего Синода» [*Документы. Т. 5, 570*]. По мнению о. Симеона, патриарх — это выразитель национального, собиратель рассеянного от краев к середине, а Синод — распыление Церкви [*Документы. Т. 5, 570*]. При этом патриарх будет более национален, более церковен и независим от государственной власти [*Арсений (Стадницкий), 107*]. Член Собора Л.З. Кунцевич говорил, что «восстановление патриаршества есть восстановление веры народной во всей полноте и красоте» [*Документы. Т. 5, 638*]. «Кто боится патриаршества, — констатировал архим. Матфей (Померанцев), — тот боится великой, страшной для сил ада, божественной силы Христовой, которая сосредотачивается в Поместной Церкви в одном лице...» [*Документы. Т. 5, 642*].

Объективности ради необходимо воспроизвести аргументы противников восстановления патриаршего института¹³. Несмотря на то, что вопрос о патриаршестве не получил окончательного выяснения на Предсоборном совете, противники патриаршества на Соборе сразу же оказались в меньшинстве. «...У меня создалось убеждение, — говорил профессор-протоиерей Николай Попов, — что мы заранее решили ввести патриаршество,

13. Очень часто мнения противников восстановления патриаршества представляют схематично, упрощенно и односторонне. Так, напр., в новейшем издании своих лекций по истории Русской церкви сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А. А. Кострюков пишет:

«Возражения против восстановления патриаршества сводились к тому, что избрание патриарха помешает соборности и приведет к деспотизму» [*Кострюков, 20*]. Это авторское утверждение представляется нам ошибочным.

не справляясь с тем, что говорит история» [*Документы. Т. 5, 603*]. Противники патриаршества утверждали, что восстановление этого института не спасет Церковь и государство от чрезвычайных обстоятельств времени. «...Патриаршество не в состоянии оправдать тех слишком широких ожиданий, какие на него возлагаются» и «в недалеком будущем нам предстоит пережить крушение этих надежд», — говорил профессор Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев [*Документы. Т. 5, 651*]. «...Патриарх не волшебная палочка, по мановению которой все должно будет преобразиться...», — говорил член Собора свящ. Леонид Иваницкий [*Документы. Т. 5, 674*]. Ему вторил профессор Московской духовной академии И. М. Громогласов:

...Молитвенника, отца, духовника мундиром не создать, какого бы он покроя не был, духовного или светского. <...> Само по себе место патриарха не делает людей ни мудрыми, ни святыми, ни талантливymi администраторами... <...> Эта форма церковного управления для существа дела безразлична [*Документы. Т. 5, 675, 677*].

Патриаршество в Константинополе не спасло империю от падения и подчинения туркам, «поэтому едва ли можно надеяться, что патриаршество и в настоящее время может спасти нас от чрезвычайных нестроений как в церковной, так и в политической жизни» [*Документы. Т. 5, 605*]. Кроме того, противники патриаршества полагали, что оно несет в себе опасности для будущего церкви.

Во-первых, единоличное начало имеет тенденцию к отеснению и даже к поглощению начала коллективного, соборного, «нельзя не испытывать тревоги, что с учреждением патриаршества соборное начало будет мало-помалу ослаблено и даже совсем подавлено» (проф. П. П. Кудрявцев) [*Документы. Т. 5, 651*]. Носители патриаршего сана в прошлом присваивали себе права, не уместяющиеся в понятии «первого епископа среди равных», чем явно нарушали установленные канонами права епархиальных епископов. Поэтому существует реальная опасность, что Священный синод как исполнительный орган власти, действующий в межсоборный период, может превратиться в простой совещательный орган при патриархе, что также явится умалением прав архиереев — членов Синода (Н. Кузнецов).

Во-вторых, «трудно найти человека, который соединил бы в себе все доблестные качества, а в коллегии всегда можно подо-

брать людей», у которых будут разные, взаимодополняющие друг друга достоинства (князь Андрей Чагадаев — мирянин от Туркестанской епархии) [*Документы. Т. 5, 490*].

В-третьих, апостольская церковь не знала первого между равными, ибо сам Христос в Евангелии сказал апостолам, что тот, «кто хочет быть бóльшим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом»^{*1}. По Вознесении Господа на небо апостолы не выдвигали первого, действовали сообща, совокупно, и каждый действовал как равный между первыми. По такому апостольскому принципу должно строиться и Высшее церковное управление в России (прот. Николай Цветков, Москва).

*1 Мк 10:43–44

Указывая на страстное желание большинства Собора иметь в России патриарха, как спасителя России и государства, а также на обвинения, высказанные в адрес Священного синода в его неканоничности и даже еретичности, прот. Николай Добронравов напомнил Собору, что Синод был признан всеми поместными православными церквями. Он призвал соборян не смущаться и верить, что Господь Сам сохранит Свою Церковь.

Протоиерей Николай Добронравов заметил также, что в первые три века христианской истории патриаршества не существовало. Рассматривая 34 Апостольское правило, на которое чаще всего ссылались сторонники патриаршества, о. Николай подчеркнул слова «епископам всякого народа подобает знати первого в них». Это значит, что в пределах одного государства могут быть несколько патриархов (у всякого народа), что будет патриарх Грузинский, будет, может быть, Украинский, Сибирский и т. д. Это ли будет объединением?

Отсюда истекало четвертое основное возражение противников патриаршества. Восстановление патриаршества только усилит действие центробежных сил, ибо как только какая-нибудь область получит политическую самостоятельность — она неудержимо будет стремиться и к церковной самостоятельности (автокефалии). «...Я боюсь, — говорил профессор Кудрявцев, — что Церковь области, достигшей политической автономии, не захочет встать в подчиненное отношение к Московскому патриарху. <...> Между тем, не будь в Москве патриарха, простирающего свою власть на все епархии, находящиеся в пределах Российского государства, у Киева или Сибири не было бы побуждения к церковному обособлению от Москвы: ведь в состав соборного (коллективного) органа представители митрополий входят на равных

основаниях. Борьба начинается там, где имеет место субординация. Средство к предупреждению борьбы в данном случае — не субординация, а координация» [*Документы*. Т. 5, 652–653].

Пока на Соборе шла дискуссия о восстановлении патриаршества, на улице разворачивались трагические события, большевики штурмовали самоотверженно защищаемый юнкерами Кремль и сторонники патриаршества потребовали не просто принятия декларации о необходимости установления патриаршества, как формы церковного управления, но и немедленного избрания патриарха, даже без разработки детального положения о его правах и обязанностях. На проходивших при закрытых дверях епископских совещаниях архиереи решили предварительно сговариваться между собой по тому или иному вопросу, после этого консолидированно выступать со своей точкой зрения на пленарных заседаниях [*Арсений (Стадницкий)*, 94]. Такой «сговор» был заключен епископами и накануне решающих прений по вопросу о патриархе и о необходимости его немедленного избрания. 15 октября 1917 г., согласно дневниковой записи митр. Арсения, на архиерейском совещании решили, что с 15 декабря должен наступить перерыв в работе Собора, а до этого времени:

...Должны быть решены главнейшие церковные вопросы, в числе которых первое место занимает вопрос о высшем церковном управлении. К этому времени должен быть избран Патриарх и при нем избранный Синод [*Арсений (Стадницкий)*, 104].

Далее было необходимо получить санкции для принятия этих решений на общем заседании Собора.

Такая спешка, казавшаяся неуместной фактическому председателю Собора митр. Арсению (Стадницкому), была вызвана опасениями, что уже в самое ближайшее время большевики разгонят Собор. В этом отчаянном, как казалось многим, положении чаша весов постепенно перевешивалась в сторону сторонников реставрации патриаршества в Русской церкви.

На историческом заседании Собора 30 октября 1917 г. в день голосования по вопросу об избрании патриарха согласно архивному экземпляру протокола деяний присутствовало 220 членов. Позднее неустановленным лицом число присутствовавших было увеличено до 315, а в официальном издании число участников заседания доведено до 317, хотя председательствующий на заседании митр. Тихон (Беллавин) публично обозначил число присутствовавших той же

цифрой — 220. Точнее определить число лиц, участвовавших в работе пленарного заседания 30 октября, позволяют результаты голосования по вопросу о необходимости избрания патриарха. За это предложение был подан 141 голос, против — 112 и 12 соборян воздержалось. Таким образом, в голосовании приняли участие 265 соборян, из 564 числившихся по спискам членов Собора, т. е. чуть менее 50 % от общего числа членов Собора. Очевидно, что за немедленные выборы патриарха проголосовало только 25 % от общего числа членов Собора. Этот исторический факт заслуживает особого упоминания при характеристике как самого Собора, так и тех настроений, которые царили в соборной палате в тревожные дни октября-ноября 1917 г.

Оставляя в стороне соборные решения об устройении Высшего церковного управления, отметим, что целый ряд не менее важных вопросов так и не был рассмотрен Собором. К их числу относятся некоторые проблемы, связанные, например, с литургической практикой, вопросы церковно-канонической дисциплины и т. д. Вся эта половинчатость работы во многом явилась результатом той политической обстановки в стране, которая, как мы видели, существенно влияла на ход соборных деяний.

И все же Московский Всероссийский церковный Собор 1917–1918 гг. имел огромное историческое значение для судеб Русской православной церкви. Его главным делом стала не реконструкция патриаршества и даже не создание новой системы церковного управления, равно как и не некоторые иные церковные преобразования, а утверждение в сознании верных чад Церкви идеи соборноправности, которая никак не сводится к созыву периодических церковных собраний разного уровня, но заключается в деятельном участии в церковной жизни всех членов Церковного Тела — мирян, клира и епископата. Активное привлечение мирян к делу церковного строительства в какой-то степени помогло церкви пережить грядущие гонения. Можно сказать, что на соборных заседаниях произошло сплочение клира, епископата и мирян по целому ряду вопросов и существовавшая между ними в дореволюционной России пропасть на время как будто бы перестала существовать.

В заключении важно обратиться к вопросу, какое значение могут иметь решения Собора 1917–1918 гг. в церковно-исторической перспективе. Ясно одно, что слепое копирование созданной Собором системы церковного управления не может стать панацеей от всех церковных бед. Сегодня можно со всей определенностью

сказать, что некоторые части этой системы показали свою явную несостоятельность и не оправдали возложенных на них членами Собора ожиданий. История Российской церкви пошла по иному сценарию, чем думали многие соборные деятели. Реализация некоторых отдельных соборных решений на практике станет возможной только в условиях существования свободной самоуправляющейся по соборному принципу Церкви и только в свободном государстве.

Источники и литература

1. *Арсений (Стадницкий)* = Арсений (Стадницкий), митр. Дневник : На Поместный Собор : 1917–1918 / Под ред. Н. А. Кривошеевой. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. 480 с., [32] с. ил.
2. *Балашов* = Балашов Николай, прот. На пути к литургическому возрождению. М. : Духовная библиотека, 2001. 507 с. (Церковные реформы).
3. *Белякова* = Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Духовная библиотека, 2004. 663 с. (Церковные реформы).
4. *Беляковы* = Белякова Е. В., Белякова Н. А. Обсуждение вопроса о диаконах на Поместном Соборе 1917–1918 годов // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 132–162.
5. *Введенский* = Введенский Александр, прот. Церковь и государство : (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 г.). М. : «Мосполиграф», 1923. 252 с.
6. *Дело* = Дело великого строительства церковного : Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / Сост. Н. А. Кривошеева. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009. 767 с., [25] л. портр. (Материалы по новейшей истории Русской православной церкви).
7. *Дестивель* = Дестивель Иакинф, свящ. Поместный Собор Российской Православной церкви 1917–1918 годов и принцип соборности. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 312 с. (Материалы по истории Церкви; кн. 41).
8. *Документы Священного собора* = Документы Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов. М. : Новоспасский монастырь, 2012— .
9. *Документы. Т. 5* = Документы Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов. Т. 5 : Деяния Собора с 1-го по 36-е / [Отв. ред.: свящ. Алексей Колчерин, А. И. Мраморнов]. М. : Новоспасский монастырь, 2015. 938 с.
10. *Журналы и протоколы* = Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.) : [В 4 т]. М. :

- О-во любителей церковной истории ; Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. (Материалы по истории церкви).
11. *Кострюков* = Кострюков А. А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) : Учебное пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. 368 с.
 12. *Конференция* = XI конференция в Бозе, Италия, 18–20 сентября 2003 года : Поместный собор 1917–1918 годов : [Материалы] // Церковь и время. 2004. № 1 (26). С. 117–214.
 13. *Кравецкий* = Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен : (Между проповедью и диалогом). М. : Духовная библиотека, 2012. 712 с. (Церковные реформы).
 14. *Мазырин* = Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. М. : ПСТГУ, 2006. 466 с. (Материалы по новейшей истории Русской православной церкви).
 15. *Одинцов* = Одинцов М. И. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 годов: споры о церковной реформе, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 121–139.
 16. *Отзывы* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : [В 2 т.] М. : О-во любителей церковной истории ; Изд-во Крутицкого подворья, 2004.
 17. *Российская Церковь* = Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.) : Сборник / Подг. текста и публ. М. И. Одинцова. М. : Крутиц. патриаршее подворье, 1995. 271 с.
 18. *Священный Собор* = Священный Собор Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг. : Обзор деяний / Под общ. ред. Г. Шульца. В 3 т. М. : Крутиц. подворье ; О-во любителей церковной истории, 2000–2002.
 19. *Стратонов* = Стратонов И. А. Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии : Сборник. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1995. 320 с. (Материалы по истории Церкви; кн. 5).
 20. *Тутунов* = Тутунов Савва, игум. Епархиальные реформы. М. : Духовная библиотека, 2011. 495 с. (Церковные реформы).
 21. *Цыпин* = Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. Кн. 9 : 1917–1997. М. : Спасо-Преображенский Валаамский мон-рь, 1997. 831 с.
 22. *Шульц* = Шульц Г. 1914–1918 годы как поворотный пункт в истории России // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 101–120.

Priest Ilya Solovyov

Embodying the Idea of Sobornost within the 1917–1918 All-Russian Local Council

The article is published on the occasion of the centennial anniversary of the 1917–1918 Local Council of the Russian Orthodox Church. Its history and proceedings have been thoroughly studied by Russian and foreign church historians. The understanding of the current state of the Russian Church and the hopes for the revival of church life in the XXI century depend on how the experience and the decisions of the Council have been learnt and assimilated. The article points out the factors in church history that determined the uniqueness and significance of the Council. Particular attention is paid to the issue of electing the patriarch, including the procedure. The author represents the positions of both supporters and opponents of reestablishing the patriarchate. The Local Council not only restored the institution of patriarchate but also proposed a system of church administration based on the principles of sobornost. This system endured a very short time and afterwards it has never been implemented elsewhere. The author sees the significance of the Moscow Council in strengthening the idea of sobornost in the believers' minds, far from being reduced to convening periodic church meetings of different levels but rather consisting in the active participation in the life of the Church of all its members — laity, clergy and episcopate.

KEYWORDS: the 1917–1918 Council, patriarchate in Russia, sobornost of the Church, Pre-Council Presence, Pre-Council Board, Higher Church Administration.